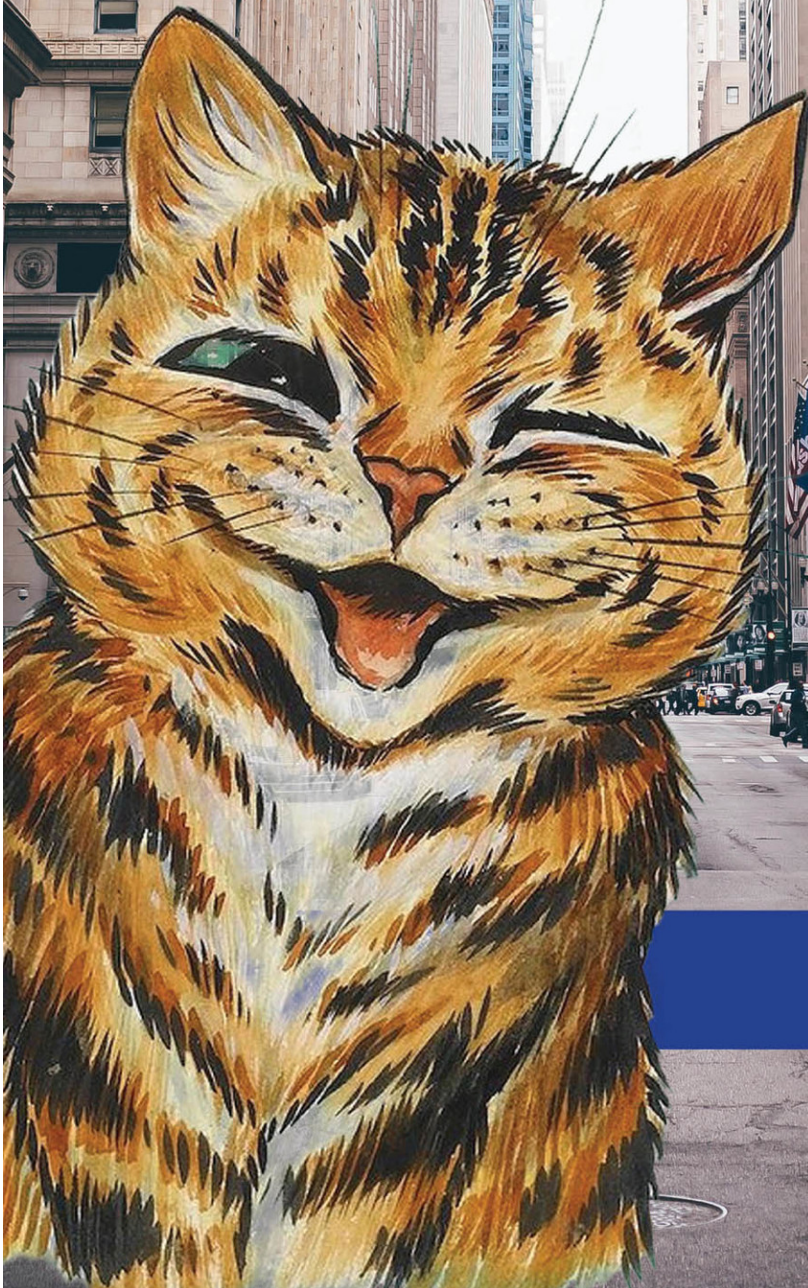

Владимир Кузнецов

Кыся-2

ФТМ

Кыся

Владимир Кунин

Кыся-2

«ФТМ»

1996

Кунин В. В.

Кыся-2 / В. В. Кунин — «ФТМ», 1996 — (Кыся)

Второй роман из серии о похождениях Кыси, обыкновенного питерского кота, попавшего в вынужденную эмиграцию. Теперь Мартын – мюнхенский КБОМЖ, то есть Кот Без Определенного Места Жительства. Он знакомится с другими котами-эмигрантами, крутит любовь с немецкими кошками, заводит именитых друзей, раскрывает покушение на убийство и искренне, изо всех своих кошачьих сил, стремится вернуться в Питер, к своему человеку Шуре Плоткину...

© Кунин В. В., 1996

© ФТМ, 1996

Владимир Кунин

Кыся-2

© Текст. В. В. Кунин, наследники, 2019

© Агентство ФТМ, Лтд., 2019

* * *

*Как зритель, не видевший первого акта,
В догадках теряются дети,
И все же они ухитряются как-то
Понять, что творится на свете.*

Самуил Маршак

Итак: вот уже полтора месяца я – мюнхенский КБОМЖ.

Как говорится – Кот Без Определенного Места Жительства.

Когда-то Шура Плоткин писал статью о наших петербургских бомжах для «Часа пик», мотался по притонам, свалкам, чердакам, подвалам, заброшенным канализационным люкам, пил водку с этими несчастными полулюдьми, разговоры с ними разговаривал. А потом, провонявший черт знает чем, приходил домой, ложился в горячую ванну, отмокал и рассказывал мне разные жуткие истории про этих бедных типов, каждый раз приговаривая:

– Нет! Это возможно только у нас! Вот на Западе...

И дальше шли, как я сейчас понимаю, не очень квалифицированные упражнения на тему: «На Западе этого не может быть – потому что не может быть никогда».

Ах, Шура, Шура... Милый, ироничный, умный, талантливый Шура. Даже он не сумел избежать нашей вечной российской идеализации Запада. Но я не из тех Котов, которые, ущипав Человека на ошибке, начинают кидать в него камни. Отнюдь. Я же понимаю, чем вызваны подобные заблуждения. Среднему россиянину сегодня живется у себя дома так фигово, что автоматически срабатывает некий защитный механизм и Человек начинает думать, будто где-то есть такая «земля обетованная» – называется Запад, где наших российских уродств днем с огнем не сыщешь. Ну просто сплошной рай, черт побери!

Отсюда, я думаю, и добрая половина ошибок в той повальной эмиграции, которой теперь славится Россия на весь мир.

Так вот, находясь в здравом уме и трезвой памяти, я, Кот Мартын, русский, неженатый, родившийся в Ленинграде, проживающий в Санкт-Петербурге, в настоящее время случайно пребывающий в столице Баварии городе Мюнхене Без Определенного Места Жительства, имеющий относительно постоянную базу в Английском парке под Хинезиштурм (Китайская башня), с полной ответственностью за свои слова свидетельствую: не знаю, где как, а здесь, в Мюнхене, этих самых западных бомжей столько, что, как выражался мой Водила, «хоть жопой ешь»! То есть – «очень много». Дословный перевод с русско-водительского.

Увидеть бомжей можно повсюду, особенно ночью, когда они дрыхнут под каким-нибудь навесом прямо на земле, подложив под себя несколько слоев картона от упаковочных коробок. Как правило, рядом стоит недопитая бутылка с вином или пивом, и тут же лежит огромный грязный лохматый Пес, зачастую очень даже породистый. Хотя здесь, в Германии, я заметил, наличие «породы» не обязательно. Впоследствии я наблюдал в баснословно дорогих автомобилях таких «Самосерек», которых у нас в России можно встретить, наверное, только в деревнях Псковской области, куда мы ездили как-то с Шурой на дачу к одному редактору.

Ночью немецкий бомж укрыт с головой лоскутным ватным одеялом или храпит в спальном мешке, а его Псина валяется рядом.

Потом днем я несколько раз встречал этих Псов и их опухших Хозяев за «работой». Хозяин сидел с бутылкой пива в руке, на его груди висела картонка с разными, наверное, жалостливыми словами, рядом спал его клочкастый Пес, а в пластмассовую мисочку прохожие изредка бросали монетки – на Пса! Бомжу никто ничего не подавал, а вот «бедненькому Песику, несчастной Собачке» хотели помочь многие...

Поэтому бомж с Собакой – человек состоятельный и уверенный в завтрашнем дне, а бомж без Собаки – деградант и люмпен, как выражается Шура Плоткин.

Вечерами бомжи со своими Псами-добытчиками, как правило, кучковались в трех местах Мюнхена – в конце Леопольдштрассе на Мюнхенерфрайхайт, у Зендлингертор на Герцог-Вильгельмштрассе и, конечно же, у Хауптбанхофа – у Главного железнодорожного вокзала! То есть в местах, густопосещаемых туристами и разным приезжим людом.

В этих трех местах бомжи собираются чуть ли не со всего города, и пока их Собаки мирно спят вповалку, бомжи дуют винище, накачиваются пивом, выясняют отношения, ссорятся, дерутся и любят друг друга: Мужчины – Женщин, Женщины – Женщин, Мужчины – Мужчин...

Короче, такая Человеческая помойка, что я в поисках пристанища для самого себя выбрал все-таки Английский парк, куда бомжи почему-то не заходили.

Рассказом о баварских бомжах я вовсе не хочу обидеть прекрасный город Мюнхен! И в подтверждение моих симпатий к городу, заполненному таким количеством колбас и сосисок, которое не может пригрестись даже Рэю Брэдбери – любимому фантасту Шуры Плоткина, – так же ответственно заявляю, что бродячих, бездомных, бесхозных Кошек, Котов и Собак здесь нет и в помине! А это – достижение цивилизации, достойное всяческого уважения.

Заблудших – видел, сочувствовал, но помочь ничем не мог. Ибо пока еще плоховато знаю город, и название улицы, сообщаемое растерянным немецким Котом или потерявшейся Кошкой, мне ничего не говорило. Сами же они, в общей своей массе, не имеют понятия, где находится их дом, даже тогда, когда они всего лишь перешли на другую сторону улицы. Полагаю, что это в них чисто национальное. Уж больно часто я сталкивался с подобным явлением.

Заблудившихся Кошек зачастую удавалось трахнуть. В этом деле они достаточно раскованны, но тоскливы. Почти всегда неясно – получает она физическое удовольствие или всего лишь моральное от добротного исполнения своих дамских обязанностей.

С Котами же говорить было практически не о чем. Мои предложения вместе перекусить (причем я ориентировался только на свои запасы!) вызывали в них довольно кислую реакцию. Во-первых, местные Коты воспитаны на Кошачьих консервах типа «Ваша Киска купила бы „Вискас“!». У нас теперь пол-России этим дерьмом завалено. Поэтому они вежливо воротили нос от куска нормального мяса, отменной косточки или грудинки, или шматка курицы, которые я чуть ли не ежедневно стяжал в «Биргартене» – такой пивной ресторан около моей Хинезиштурм, где прописался старым ленинградским способом. Притащил им дохлую крысу, которую, к сожалению, пришлось ловить самому, и был обласкан и накормлен.

Дня три я им таскал одну и ту же крысу, каждый раз выдавая ее за «свежака», но в конце концов она протухла и завоняла так, что я сам не мог к ней близко подойти! Пришлось отлавливать другую...

И пока не наступили холода и «Биргартен» работал во всю ивановскую, я был сыт и мои запасы позволяли мне пригласить на ужин хоть пять заблудившихся Котов. Но, повторяю, они ничего моего есть не хотели. Первую причину я уже называл, а вторая, как я сообразил позже, заключалась в том, что, приняв мое приглашение, местный Кот считал себя обязанным сделать мне ответное приглашение. А ему этого страсть как не хотелось! Он бы и рад был поболтать с иностранным Котом (это я-то – иностранец!..), похвастать своей квартирой, обстановкой,

«песочницей», куда он гадит, и все его испражнения под воздействием передовой германской химической технологии мгновенно превращаются в бело-серые, ничем не пахнущие каменные комочки...

– Как?! У вас в России этого нет?! – пугался такой Кот, когда я, не веря, что это возможно, просил медленно повторить мне про комочки еще раз. – Как же вы живете без этого?!

Но приглашать к себе не торопился. Ибо такой прием требовал расходов.

Мои вопросы – не знает ли уважаемый местный Кот кого-нибудь, кто в ближайшее время едет в Россию? Или, может быть, Хозяин уважаемого Кота как-то связан с Людми, ездящими в Россию – сейчас это очень взаиморазвито, – я мог бы с таким же успехом задавать своей деревянной Хинезишетурм, под которой нашел себе приют и крышу.

Ни хрена эти Коты не знали, ничем не интересовались, никаких Контактв со своими Людми не имели, считая, что главное предназначение Людей, – кормить и холить своего Кота, возить его в отпуск в Италию, Испанию и на Канарские острова и работать не покладая рук для того, чтобы Коту было мягко спать и сладко есть это свое консервированное дерьмо с витаминами...

Встречались мне и наши Коты и Кошки. Из случайных знакомств с ними и ни к чему не обязывающей болтовни я разделил их на три категории.

В первую категорию, которой я безумно позавидовал, входила Кошка одного нашего российского вице-консула – веселая, деловая и неглупая москвичка Нюся, которая про Мюнхен знала все: где можно пожрать на халяву, как пройти в нужное место кратчайшим путем через служебные двери и проходные дворы, какому Коту имеет смысл ДАТЬ, а какому и нет.

Но вот тут всплывал один-единственный, но весьма существенный недостаток этой Нюси. Знать – она знала, но удержаться и не ДАТЬ кому угодно она была не в силах! Тем не менее, а может быть, и поэтому с ней было необременительно, легко и спокойно.

Вторым был Кот (имя вылетело из головы), про которого Нюся сказала, что он принадлежит Человеку, являющемуся «правой рукой» Генерального консула. В какой-то момент мне показалось, что эти два знакомства для меня – прямой путь в Петербург к Шуру и Водиле. И я закатил им приемчик, как говорит Шура Плоткин, «под большое декольте». Во всяком случае, пока я трахал Нюсю, она обещала мне безграничную помощь и покровительство своего Хозяина.

Кот же «правой руки» Генерального консула оказался довольно мерзким типом, хотя и выглядел крайне авантажно – красивый, ухоженный, с признаками породы и какого-то странного, специфического воспитания. Он все время делал вид, что ему известно что-то такое, чего другим знать не положено. Ко всему прочему, он постоянно взывал к честности, честности и честности, хотя Нюся клятвенно уверяла меня, что большего воруги, чем этот Кот, не знали ни Германия, ни Россия!

Однажды, когда он уж слишком настойчиво призывал меня к честности и расспрашивал о том, как я здесь оказался, а всем своим видом давал понять, что не верит ни одному моему слову, я разозлился и начистил ему его холеное рыло.

Больше он не приходил. Но, к сожалению, перестала приходиться и веселая вице-консульская Нюся. Видимо, эта сволочь Кот капнул на нее кому надо, и Нюсю перестали выпускать из дому.

А позавидовал я им только потому, что и этот Кот дипломат, и эта вице-Нюся совершенно точно знали, что пройдет какое-то определенное время и они обязательно вернуться в Россию. Чего в отличие от меня дико боялись и не хотели!..

Ко второй категории я отнес Котов эмигрантов из Киева. Их было великое множество. Они прибыли сюда под флагом «Киев и Мюнхен – города побратимы!».

Кому пришло в голову когда-то «побратать» Мюнхен и Киев – ума не приложу. Все равно что насильно женить меня на овце и ждать от меня и супруги ежегодного приплода котоягнят. Бред какой-то! Рассказать Шуре – обхохочется.

Тем не менее все киевские евреи, а также украинцы и русские, загодя прикупившие липовые еврейские документы и пожелавшие сначала послать Советскую власть, а потом и «ридну Украину» ко всем чертям, оказались в Мюнхене по так называемой еврейской линии.

Обо всем этом я узнал от единственного пристойного и интеллигентного Кота киевлянина, принадлежащего одному симпатяге-инженеру по автомобилям. В Мюнхене инженер спокойно работал обычным автомехаником, а вечерами вел со своим Котом разные беседы.

Никогда не сталкиваясь с книгой доктора Шелдрейса, они оба своим умом дошли до Телепатического Контакта. Не в полной мере, но достаточной для доброй, поверхностной трепотни, они овладели этим искусством и пребывали теперь в тихих радостях и заботах друг о друге.

Этот же Кот говорил мне, что под Мюнхеном, километрах в сорока, живет еще одна чрезвычайно милая пара киевских художников – муж и жена. Они как-то приезжали к этому инженеру чинить свой автомобиль и познакомились. Ни Кота, ни Кошки у них, кажется, нет. Поэтому сведения о них крайне скудны. О них даже не сплетничают. А для киевско-мюнхенского круга это явление поразительное и из ряда вон выходящее.

Все же остальные, с кем меня сводила судьба, были на редкость одинаковы в своем наступательном провинциализме, необязательности, всезнайстве и постоянных потугах сообщать всему миру – кем они были раньше, до приезда в Мюнхен.

Процент вранья в этих рассказах был удручающе высок, и если Кот заявлял, что в Киеве у него была четырехкомнатная квартира с потолками в три шестьдесят, а ЕГО Нёма или Петя, или Жорик, или Арон был «Главным инженером», «Ведущим конструктором», «Главным врачом Четвертого управления» или «Выдающимся музыковедом» – это в лучшем случае означало, что все они имели в Киеве аж двухкомнатную в блочном доме с потолками в два сорок пять!

И Нёма никогда не был «Главным инженером», а занимал довольно скромную должность техника. Жора служил не «Ведущим конструктором», а просто чертежником. А «Главный врач Четвертого правительственного управления» Петя полжизни оттрубил терапевтом в районной поликлинике, напрочь растеряв в ней все знания, полученные еще в институте. Но вот «Выдающийся музыковед» Арон был действительно хорошим настройщиком и очень неплохо зарабатывал. В Киеве у него был даже отдельный санузел!

Когда я, в слепой надежде найти хоть какую-нибудь возможность вернуться в Россию, спрашивал у каждого из них – не знают ли они Человека, собирающегося в Петербург, они все в один голос предлагали мне ехать в Киев, с удовольствием вспоминая, сколь прекрасен этот город, как хорошо было в нем жить, где их знала «каждая Собака»!

Поэтому мне были совершенно неясны побудительные причины их переезда в Мюнхен.

Киевские Кошки были поразительно суетливы и постоянно пребывали в состоянии полного восхищения собственными персонами. Отожравшись на добротных немецких продуктах, они действительно стали неплохо выглядеть! Морды у них разгладились, шерсть лоснилась от сытости, и единственное, что можно было бы поставить им в упрек, – это чрезмерное употребление сладостей и излишне раннюю полноту, которую я ошибочно принимал за позднюю беременность. А так как я обычно беременных Кошек не трогаю (я как-то уже говорил об этом...), то, как шутила одна моя знакомая киевская Кошка по имени Циля, я несколько раз «пролетал, как фанера над Парижем»...

Это у них такая острота. Если перевести ее с южно-русско-еврейского хохмачества на нормальный московско-ленинградский язык, это будет означать, что я «ошибался и проходил мимо того, чем мог бы воспользоваться».

Кстати, о Циле. Цилия была единственной изящной Кошкой-киевлянкой, сумевшей сохранить вполне приличную фигурку. Как и все ее приятельницы, она была в восторге от самой себя и постоянно рассказывала всем о своих победах над немецкими Котами, не забывая намекнуть, что, дескать, владеет такой техникой секса, перед которой не устоять даже молодому Тигру. Дескать, она его затрахает в первые же три минуты. Был бы рядом Тигр – она бы всем показала, как это делается!..

Я не испугался Цилиных обещаний и угроз и тут же влез на нее, чтобы немедленно испытать на себе всю мощь неведомой мне доселе «техники секса», способной свести Тигра в могилу.

...Знал ведь, давно уже знал, что ни одной Кошке нельзя верить на слово. Но такого разочарования не испытывал уже лет сто! Как сказал бы Мой Шура Плоткин: «Об технике секса там не могло быть и речи!»

Обычная, раздражающая любительская суетня, фальшивое разевание пасти, якобы страстное закатывание глаз, взвизгивания не тогда, когда нужно, и полное неумение чувствовать партнера по траху!

От злости я чуть загривок этой Циле не прокусил. Меня удержало только то, что я вовремя вспомнил миротворческую присказку Шуры, которую он говорил каждый раз, когда сталкивался с проявлением любительщины в чем угодно.

– Знаешь, Мартын, – говорил в таких случаях Шура, – в американских салунах Дикого Запада всегда висела табличка: «Не стреляйте в пианиста. Он лучше не умеет».

Что, впрочем, не помешало мне остаться с Цилей в приятельских отношениях.

И наконец, третья категория – Староэмигрантские Коты и Кошки, выросшие и воспитанные в семьях, смылившихся из Совка массу лет тому назад.

Наверное, и среди них есть уйма замечательных, добрых и мудрых Котов и Кошек! Мой небольшой опыт общения со староэмигрантским Кошачьим сословием не позволяет мне судить обо всех Котах, возвращенных в таких семьях.

Думаю, мне просто не повезло. Те немногие, которых я случайно узнал, произвели на меня более чем странное впечатление. Часть из них принадлежала бывшим сотрудникам радиостанции «Свобода», уволенным при переезде радиостанции в Прагу. Несмотря на то, что конгресс Соединенных Штатов Америки достаточно щедро выплатил им выходные пособия, исчислявшиеся доброй сотней тысяч марок, а то и больше, – оставшиеся не у дел в Мюнхене все равно чувствовали себя униженными и оскорбленными. Чуть ли не выброшенными на улицу...

Хотя при том, что они заработали за эти годы, ведя идеологическую войну с Россией с очень безопасного расстояния, да плюс бабки, полученные ими при увольнении, им была обеспечена спокойная жизнь до самой глубокой старости.

Все это я узнал от их же Котов и Кошек, которые тоже были хороши по-своему. При встречах они приветливо мурлыкали и облизывали друг друга, а после расставания один из них непременно рассказывал мне гадости про ушедшего. Или наоборот: сначала гадости, затем появлялся тот, о ком эти гадости говорились, а уже потом, сразу, без какого-либо перехода, – облизывание и мурлыканье с тем, кого только что поливали жидким дерьмом!..

Описывая такое трогательное сообщество, Мой Шура Плоткин непременно процитировал бы одного уже умершего поэта, которого очень любил.

– Террариум единомышленников, – наверняка сказал бы Шура.

А Водила, помню, как-то про такую же компаху выразился попроще, сохранив абсолютно тот же смысл:

– Ну чистый гадюшник, бля!

Но что бы эти Коты и Кошки ни говорили друг про друга, все-таки это было Сообщество! Объединяли их относительная разность положения, примерно одинаковый высокий жизнен-

ный уровень и общая давность пребывания за границей своей родины, которой они, видите ли, стеснялись и между собой зачастую разговаривали на плохом английском языке.

И конечно же, все вместе не переваривали представителей последней волны эмиграции. Глядя на недавно приехавших в Мюнхен Котов и Кошек, которые поначалу на каждом шагу делали привычные советские глупости и попадали впросак, из-за элементарного незнания Запада, – Староэмигрантские Коты, наверное, вспоминали свое собственное ничтожество в те годы, когда они сами впервые появились на этой заграничной земле.

Стоило хоть немного споткнуться Новоэмигрантскому Коту, как Старый эмигрант презрительно цедил сквозь усы:

– Ах, как это все у вас по-русски!

Тем самым давая понять, что уж он-то никакого отношения к этой ужасной стране не имеет.

– Уж если вы все-таки оказались на Западе, – назидательно говорил такой Кот, – переехали, так сказать, в Свободный мир, так извольте...

Дальше следовал поток бездарных нравоучений, примитивных сентенций, банальнейших благоглупостей и невероятное количество примеров из «богатого» жизненного опыта самого Кота-Староэмигранта.

Вся эта местечковая словесная шелуха перемежалась английскими и немецкими словами, что должно было показать – сколь «западен» стал Староэмигрантский Кот, если он даже позабыл многие русские слова и их значение помнит только на двух других языках!

Правда, со мной они так разговаривать не рисковали. Они прекрасно знали, что я тут временно и вот-вот укачу в Россию, а во-вторых, явно чувствовали, что я в секунду могу набить морду и оборвать хвост любому из них.

Мне лично было наплевать, кто сколько тут живет. Но однажды, когда у меня в гостях под Хинезиштурм собралась компашка и тех, и других, и Староэмигрантские Коты начали хамить Котам вновь прибывшим, я не выдержал и сказал:

– Даже и не знаю, кому из вас больше гордиться? Тем, кто смылился из Союза кучу лет тому назад и все последующие годы жил под теплой крышей сытно и спокойно, или тем, кто все эти годы – один хуже другого – продолжал жить в Совке, лазал по отравленным помойкам в поисках пищи, спасался в подвалах и на чердаках от непогоды и разных шапочных дел мастеров, вместе со своими Людьми переживал антисемитские митинги, а кое-кто и бесславные кровавые войны на собственной земле...

Тут Староэмигрантские Коты забыли про осторожность и стали наперебой что-то мне орать. Но я только чуть-чуть прижал уши, слегка приподнял верхнюю губу и совсем немного показал клыки. Правда, я еще выпустил когти передних лап и легонько постучал кончиком хвоста по земле.

Этого оказалось вполне достаточно, чтобы все они быстренько стали собираться по домам, не забывая на прощание сказать, что «прекрасно провели вечер»...

Наступила самая настоящая осень. «Биргартен», пивной ресторан на свежем воздухе, свернул свою деятельность, сложил скамейки и столы в штабеля; кухни, а их было достаточно, закрылись; а весь биргартеновский Люд перешел в рядом стоящее помещение – в так называемый гаштет под вывеской «У Хинезиштурм». Куда мне заходить было воспрещено.

Теперь, лежа на пятом, нещадно продуваемом ярусе своей дурацкой Китайской башни, я уже не просыпался от стоящих вокруг одуряющих запахов жарящихся свиных ног, груденок, потрясающих ребер, кур, от перезвякивания «массов» – литровых пивных кружек, и от непрерывного бурчания десятков кранов, безостановочно наполняющих эти «массы» темным пивом, светлым, мутным – «вайсбир», и «радлером» – истинно баварским напитком – смесью светлого пива со специальным лимонадом...

Теперь я просыпался от ночной сырости и голода, с одной лишь мыслью – где бы согреться и погреться.

Уже не играл под Китайской башней военный оркестр свои марши, но слышался стук молотков, визжание электропил, и вокруг моей башни шла какая-то неторопливая суетня. Возводились десятки временных ларьков и ларечков, вроде наших, которыми забит весь Питер. Как объяснил мне один весьма приличный Песик, – он здесь каждое утро выгуливал своего не очень здорового Человека, которому было предписано почаще бывать на свежем воздухе, – эти ларьки готовились к Рождеству Христову. А вот что такое Рождество – Песик и сам не очень хорошо знал. Говорил только, что в это время по всему городу в таких ларечках продают много ярких, не очень нужных маленьких вещичек и уйму горячего вина – прямо на улицах!

Кстати, если уж говорить о здешних Собаках, то ко всем неоспоримым достоинствам Мюнхена я бы приплюсовал то обстоятельство, что мюнхенские Собаки (а по Английскому парку их гуляет великое множество!) в отличие от наших петербургских удивительно приветливы к Людям, к Собакам любых пород и очень спокойно, я бы даже сказал – с достаточной долей уважения относятся к существованию Котов и Кошек.

Наши же засранцы сначала должны обязательно облаять ни в чем не повинного незнакомого Человека, затем непременно перегрызться между собой, а потом сделать все возможное, чтобы попытаться загнать какого-нибудь несчастного Кота на дерево или в подвал. А убедившись в невозможности достать его оттуда, еще час тупо рваться с поводка и оглашать окрестности своим идиотским осипшим голосом.

Скорее всего, и здесь есть такие же Псы кретины, которые не переваривают другие породы животных. Считающие себя, как говорил Шура Плоткин, «стержнем и основой нации». Но если у нас в Советском Союзе это явление десятки лет трогательно поощрялось и тщательно культивировалось, как рассказывал мне тот же Плоткин, то здесь таких Псов совсем немного, и они, при любом проявлении нетерпимости к другим видам Животных, достаточно строго наказываются.

– Это уже наша сегодняшняя политика, – сказал мне тот Песик-симпатяга, с которым я познакомился в Английском парке.

А еще этот Песик, сто раз извинившись передо мной, чтобы не оскорбить мое национальное достоинство, сказал, что вся эта зараза идет от Собак Германской Демократической Республики. Потому что до воссоединения с Федеративной Германская Демократическая была очень близка по строю и по духу Советскому Союзу.

Ни в коем случае не оправдывая этого уродливого явления, я попытался объяснить милому, интеллигентному Песику, что в нашей стране все это происходит не от хорошей жизни. Что сегодня в России всеобщее озверение стало буквально повальным бедствием и распространилось почти на все слои общества – не только Собачьего, но и Человеческого! Мало того, как ни грустно мне в этом признаваться, но сегодня этой язвой заражена и очень большая часть Кошачьего сословия... А все оттого, что жить стало невмоготу и каждый ищет виноватого не в себе, а в ком-то другом.

– Вот такие пирожки, уважаемый герр Песик, – сказал я.

– Я с вами совершенно согласен, майне либер герр...

– Мартын, – подсказал я. – Или можно просто – Кыся...

– Я с вами совершенно согласен, майне либер герр Мартин Киса, – не очень разобрался в наших русских именах этот Песик и, посмотрев на переминающегося с ноги на ногу своего Человека, смущенно добавил: – Но, к моему великому сожалению, сейчас я вынужден извиниться и прервать наш удивительно интересный разговор. Как видите, мой Человек уже просится в туалет, а длительное воздержание в его возрасте... Сами понимаете. Кроме всего, ему необходимо еще принять кое-какие лекарства, и я в меру своих сил стараюсь, чтобы он это делал вовремя.

Мы любезно распрощались, и я, дрожа от холода, помчался на промысел.

Еще когда стояли теплые дни и вовсю работал «Биргартен», а мои запасы жратвы превышали самые смелые предположения, я как-то прогуливался по берегу узенького ответвления мюнхенской реки Изар, протекающего через весь Английский парк. И неожиданно на поверхности воды увидел спинки довольно толстеньких и крупных рыб, стремившихся плыть только против течения. А так как течение в этой узкой парковой речушке было очень сильным, то глупые рыбы почти стояли на месте.

Как объяснила мне тогда вице-консульская Нюся, эта рыба называется «форель» и Людям ловить ее запрещено. Нюся сама слышала, как ее хозяин рассказывал жене, что для того, чтобы получить разрешение на ловлю рыбы, нужно сначала пройти специальные платные курсы, затем за приличную сумму сдать экзамен, а потом за семьдесят пять марок купить разрешение лицензию. И только после этого тебе позволят поймать несколько рыбешек в специально отведенном месте под бдительным оком еще более специального рыбного контролера.

Но самое забавное в такой рыбной ловле, что, поймав эту рыбу, полюбовавшись на нее, ты обязан выпустить ее обратно в реку!

– Какой-то спортивный онанизм! – помню, возмущалась тогда Нюся. – Представляешь, это все равно что если бы мы с тобой сидели друг против друга и сами себя удовлетворяли, вместо того чтобы немедленно слиться в едином экстазе!!!

Нюся обожала разные роскошные формулировки и объяснения своему блядству.

– Да, – сказал я. – Действительно!

И чтобы никому в голову не пришло бы заподозрить нас в онанизме, мы тут же, как сумасшедшие, слились с ней в этом, как его... Экстазе!..

Но тогда было еще тепло, работал «Биргартен», еды было навалом и разговор с Нюсей о рыбе носил чисто теоретически познавательный характер.

Теперь холодно, «Биргартен» закрыт. Ни жрачки, ни Нюси, ни хрена этого нет, а лопать хочется безумно. И я помчался к нашей парковой речушке сломя голову, как только вспомнил о рыбе. Авось повезет?..

Свою первую в жизни форель я подцепил лапой и вышвырнул из воды метров на пять от края берега.

Я с трудом удерживался на скользком холодном камне посередине ледяной злобной речушки, стоя чуть ли не по брюхо в воде. Конечно, мне следовало отловить еще парочку рыбин – на вечер и на завтрашнее утро, но, во-первых, я так окоченел, что меня просто трясло от холода и нервного перевозбуждения, знакомого, наверное, любому охотнику. А во-вторых, мне элементарно хотелось как можно быстрее пожрать.

Поэтому я не стал ловить рыбу про запас, а перескочил с камня на берег, отряхнулся и бросился на прыгающую по земле форель.

Это была красивая, крупная и сильная рыбина. Оказалось, что у нее только спинка темная, а к брюшку и нижним плавникам она светлела до нежно-палевого цвета и по бокам была вся покрыта коричневыми пятнышками, которые ей очень шли.

Она скакала и уворачивалась от меня, пока я не догадался намертво прижать ее к земле передними лапами и быстро прокусить ей загривок у самой головы.

Вот откуда я знал, что для того, чтобы рыба перестала трепыхаться – нужно прокусить ей загривок именно в этом месте?! Наш родной мороженный хек был всегда без головы и поэтому не пытался трепыхаться. Уж сколько я его за всю свою жизнь сожрал, а ведь до сих пор понятия не имею, как он выглядит в лицо!.. И живой рыбы я отродясь не видел.

Инстинкты, инстинкты, господи. Великая штука – инстинкты!

Ну что я могу сказать про форель? Пусть никто не упрекнет меня в предательстве Родины или в низкопоклонничестве перед Западом – я всего лишь честно оцениваю свои ощущения на тот момент, когда я жрал эту форель.

Так вот, не скрою – ихняя свежая, только что выловленная форель намного лучше нашего древнезамороженного хека.

Подозреваю, что где-то в пределах даже сильно сократившихся сегодня границ нашей, все равно огромной страны наверняка плавают форель не хуже немецкой. Но для кого она плавают, спрашивается?!

Нам с Шурой, как представителям интеллигентной прослойки среднерусского народонаселения, доступен только «Хек мороженный безголовый». Да и то – не всегда...

Размышляя таким образом, я доедал эту божественную рыбку уже лежа.

С голодухи я слопал ее почти всю. Мой живот вздулся, как футбольный мяч, ноги меня не держали, и в тяжелой, сытой сонливости я прилег, лениво дожевывая хвост форели...

Мог ли я подумать, что именно с этого момента начнется новая глава моей жизни?!

Мог ли я хоть на секунду представить себе, что впервые отведавшая восхитительная форель в корне изменит все мое мюнхенско-парковое существование одинокого КБОМЖа?!

Напоминаю: КБОМЖ – Кот Без Определенного Места Жительства.

– Да ни в жисть! – как сказал бы Водила. – Ну нипочем, бля!

Каждый раз я влипаю в различные передрыги, когда, забыв обо всем на свете, самозабвенно предаюсь каким-нибудь своим животным страстишкам!

Если быть честным до конца, так я ведь не падал с ног от голода. Мог бы и не трескать всю эту рыбку целиком и сохранить рассудок и врожденную осторожность. Уж раз даны тебе инстинкты, так пользуйся же ими, дубина! Так нет... Непременно нужно было обожраться форелью до такого свинского состояния, чтобы даже не почувствовать, как тебя накрывают сачком!

Быстро, профессионально и бережно (не то что эти наши злобные хамы – Пилипенко и Васька...) я был блистательно отловлен двумя замечательными жуликами, специалистами по фальшивым Кошачье-Собачьим породам и не менее фальшивым, но превосходно сделанным родословным для этих липовых «аристократов», – тридцатилетним немцем Эрихом Шрёдером и его компаньоном, сорокалетним итальянцем Руджеро Манфреди.

А может, мне и не следовало бы так уж корить себя за обжорство и потерю бдительности. Может, наоборот, поблагодарить судьбу в лице этой прекрасной форели...

Интересно, можно так сказать: «в лице форели» или нет? Надо будет потом при случае у Шуры спросить.

Естественно, что имена, фамилии, возраст и профессию этих двух жучил – Шрёдера и Манфреди – я узнал значительно позже того, как они меня прихватили в состоянии полубессознательной обжираловки.

Помню, что меня совершенно поразила первая фраза Манфреди, которую он прокричал Шрёдеру по-немецки, но с откровенным итальянским акцентом. Примерно так, как киевские Коты и Кошки разговаривают по-русски.

– РУССКИЙ КОТ, Эрих!!! Считаю, что мы наткнулись на золотую жилу!.. Более РУССКОГО Кота мы не сумели бы поймать даже в России!.. – завопил Манфреди.

Батюшки! Да откуда же они узнали, что я РУССКИЙ?! Может, кто-то из Котов-эмигрантов наступал?..

От удивления и сытости я остолбенел и даже не рыпнулся, когда они осторожно, бережно, я бы даже сказал – нежно стали пересаживать меня из сачка в клетку. Интересно все-таки, откуда же они узнали, кто я?..

Но уже следующая фраза Шрёдера прояснила мне многое:

– Кто бы этот Кот ни был – хоть малаец, хоть китаец, хоть баварец, мы его сделаем РУССКИМ! Закажем ему потрясающие русские документы, и богатенькие любители домашней экзотики будут драться за право купить у нас этого Кота! А мы только цену будем набавлять... Ты вспомни, как у нас чуть с руками не оторвали того тупорылого шеночка, крашенного в полоску, которого мы продали за детеныша гиены?! Вспомни, какой был ажиотаж!..

– Правильно! Но то была Швейцария, Женева, и тот болван из Организации Объединенных Наций, который купил этого щенка, на следующий день улетал к себе в Норвегию. Мы ничем не рисковали... А тут...

– А тут нужно работать на наших привычных немецких стереотипах, – прервал его Шрёдер. – Раз большой и страшный, раз дикий – значит, РУССКИЙ! А РУССКИЙ – это уже экзотика! Как крокодил, живущий в ванной комнате, или друг семьи – трехметровый тигровый питон в спальне. Сейчас это жутко модно!

– Гениально! – воскликнул Руджеро Манфреди. – Мы должны дать понять покупателю, что именно за этим Котом стоит гигантская страшная страна – вечные снега, Сибирь, тайга, мафия, белые медведи и миллионы немецких могил времен Второй мировой войны... И вот среди этих могил по жуткой русской земле ходит такой дикий Кот, способный разорвать в клочья белого медведя!..

– Точно! – подхватил Шрёдер. – Таким образом мы резко вздергиваем цену на этого якобы РУССКОГО Кота, а во-вторых, снова повышаем интерес Германии к России, сильно упавший после ухода Горби на пенсию. И черт его знает, может быть, на плечах этого Кота мы с тобой еще и войдем в большую политику!.. А большая политика – это всегда большие возможности. А большие возможности – это всегда...

– Большие деньги! – закончил Манфреди.

Тэк-с... Мало было мне уголовщины с наркотиками, со стрельбой и трупами, не говоря уже о незаконном, безвизовом пересечении границы, так теперь меня хотят втянуть еще и в политические разборки! Вот тут у меня от удивления и неожиданности просто отвалилась челюсть...

– Осторожней, Руджеро! – тревожно крикнул Шрёдер. – Смотри, какие у него клыки!.. Это же саблезубый тигр, а не Кот... Ты только посмотри на его клыки.

Руджеро Манфреди плотно закрыл за мной дверцу просторной клетки и молитвенно простонал:

– Я не могу смотреть на его клыки, когда я вижу его яйца!.. Яйца производителя! Могучего и неутомимого сексуала!.. Может быть, не продавать его, оставить себе и начать потом торговать его котятами?

– Слишком рискованно. Даже при таких роскошных данных он может оказаться импотентом. Мало ли мы знаем примеров... – усмехнулся Шрёдер и поднял клетку со мной. – О боже... Какой тяжелый, швайне хунд!

У немцев «швайне хунд», то есть «свинячья Собака», считается жутким ругательством. Это мне еще Коты-киевляне говорили.

– Что ты хочешь этим сказать? – недобро спросил Манфреди.

– То, что Кот тяжелый.

– Нет, когда ты говорил про импотентов с роскошными данными?

– Я имел в виду Кота!

– А еще?!

– А еще, что он тяжелый, черт бы тебя побрал!.. А тяжелый он потому, что в два раза больше любого нашего кота! Достаточно?!

– То-то же! – уже спокойно сказал Манфреди. – У нас в Италии за такие шутки стреляют.

– Ну все, все! – примирительно проговорил Шрёдер и накинул на клетку клетчатый платок, чтобы меня не было видно. – Идем...

И я почувствовал, что мы куда-то пошли. Сквозь клетчатый платок не было видно ни черта, и мне ничего не оставалось делать, как улечься на бок и слушать Шрёдера и Манфреди. То ли от количества сожранной форели, то ли от необъяснимого предвидения, но я не испытывал ни малейшего волнения, ни испуга, ничего такого, что могло бы меня вывести из равновесия. Кажется, что я даже был немножко рад тому, что со мной случилось...

– Да, конечно, Кот роскошный! И вес, и размеры... – восхищенно проговорил Манфреди таким тоном, будто мой большой вес и мои нестандартные размеры – дело его рук и предмет его личной гордости.

– И тем не менее, чтобы сделать из него настоящего ДИКОГО РУССКОГО КОТА – ГРОЗУ СИБИРСКОЙ ТАЙГИ, нам придется над ним еще немало поработать, – кряхтя, сказал Шрёдер. – Кстати, неплохое название для новой породы – «Гроза Сибири»...

– Отличное название! – подхватил Манфреди. – Точно! Из него нужно делать подлинного ВАЛЬДВИЛЬД КАТЦЕ!..

Это у них так по-немецки называется дикий лесной Кот. Я об этом узнал еще от вице-консульской Нюси. В секунды восторженного оргазма она кричала мне: «Ты – мой бог! Ты – Вальдвильдкатце!!! Я умираю!..»

Правда, потом я случайно узнал, что в эти мгновения Нюся кричит такое любому Коту, которому она была не в силах отказать... Но это отнюдь не умаляло ее достоинств, а лишь делало ее еще более привлекательной. С Нюсей даже самый плюгавый Кот чувствовал себя половым гигантом!

Тэк-с... Значит, они хотят из меня сделать, во-первых, «настоящего русского», а во-вторых, к тому же – «дикого»... Забавно! Интересно, как они представляют себе «настоящего дикого русского Кота»? С рогом на лбу и с серпом и молотом на груди? Или еще как-нибудь позатейливее? Ну, прохиндеи...

И тут, слышу, Шрёдер спрашивает у Манфреди:

– У тебя сохранились координаты того старика, который делал нам документы на «русскую гончую»?

– Конечно. Я только не уверен – сохранился ли сам старик.

– А что с ним могло случиться?

– Эрих, просчитай ситуацию хотя бы на ход вперед! Если этот старик в сорок пятом году в Потсдаме убежал из Красной Армии в чине старшего лейтенанта, то сколько ему может быть сейчас лет?

– Семьдесят пять... Восемьдесят.

– Согласись, что это превосходный возраст для тихого перехода в другой мир. Мы уже год о нем ничего не слышали. Вариант номер два: старик жив и здоров, но сидит в тюрьме. Может быть?

– С чего бы это? – удивился Шрёдер.

– Да, правда! – развеселился Манфреди. – С чего бы это?! Старик всего пятьдесят лет занимался мошенничеством и только лишь шесть раз сидел во всех тюрьмах Европы! За что бы это его сажать в седьмой раз?!

– Верно... – задумчиво согласился Шрёдер. – А какие он тогда сделал документы на русскую гончую! Экстра-класс!.. Жаль, что она сдохла по Дороге в Лос Анджелес у этого американского актера... Ты не помнишь, как его звали?

– Нет, Эрих. Я помню только то, что ее смерть – на твоей совести. Это ты все время орал, что у русской гончей должен быть втянутый живот, и колол ей витамины вместо того, чтобы дать кастрюлю нормального супа. А этот голливудский дурачок даже понятия не имел, какой живот бывает у настоящей русской гончей!..

Тут я почувствовал, что мы остановились, и Шрёдер опустил мою клетку на землю. А потом я услышал такие обиженные интонации в его голосе, что чуть было не стал его жалеть...

– Руджеро, Руджеро!.. – простонал Шрёдер. – Ты просто сукин сын после этого! Будто ты не знаешь, что когда начинаешь формировать «русскую гончую» из обыкновенной длинной и тощей дворняги с вытянутой мордой и таким чудовищным врожденным пороком позвоночника, что ее спина становится круглой, как у настоящей «русской гончей», – так можно ожидать чего угодно! Я лично думаю, что она скончалась от радостного удивления, когда узнала, что отныне будет жить не в мюнхенском Берг-ам-Лайме, а в лос-анджелесском Беверли Хиллз...

– Господи! Какое счастье, что мы завязали с собаками и перешли только на кошек! – воскликнул Манфреди, и я услышал, как он стал открывать автомобиль. – Насколько они экономичнее собак, насколько тише, насколько удобнее в транспортировке...

Я почувствовал, как Шрёдер наклонился к клетке и снял с нее тряпку. Холодное желтое солнце ударило меня по глазам. От неожиданности и пережора я икнул и увидел, что автомобиль Шрёдера и Манфреди (куда там этой сволочи Пилипенко и придурку Ваське с их обосранным «Москвичом»!) стоит в узенькой прелестной улочке, совсем рядом с совершенно незнакомым мне входом в Английский парк. Я знал, что парк очень большой, но даже и не подозревал – насколько он велик. Я был свято убежден, что за это время мы дошли до другого конца города.

– Тем более что цены на собак сейчас во всем мире падают, а на котов и кошек – растут, – заметил практичный Шрёдер.

– По тем же причинам. По чисто экономическим соображениям, – сказал Манфреди и поднял мою клетку, чтобы поставить ее в автомобиль. – О, черт его побери!!! Какой он действительно тяжелый! Кошмар. Бедные кошки!.. Так повезем, или пусть поспит?

– Пусть на всякий случай поспит. На кой черт нам нужно, чтобы он запоминал дорогу!..

– А в привидения ты еще не веришь?! – расхохотался Манфреди и достал из-под сиденья небольшой кованный портфельчик.

– Нет, Руджеро. До этого я еще не дошел, – серьезно ответил ему Шрёдер. – Но чем больше мы с тобой занимаемся кошками, тем чаще я начинаю задумываться над некоторой жутковатой фантазмагоричностью этих созданий. Мне иногда кажется, что мы у них – как на ладони. Вот посмотри на этого, например... Какой у него осмысленный взгляд, как он следит за твоими руками!..

– Ты кончишь в психиатрической клинике, – рассмеялся Манфреди. – Коты чрезвычайно любопытны, и то, что он следит за моими руками – в этом нет ничего удивительного.

Плевал я на любопытство! Еще бы мне не следить за руками этого Руджеро Манфреди! Я и не пытался этого скрывать...

С возрастающей тревогой я смотрел, как Руджеро Манфреди вынимал из портфельчика аккуратно уложенный одноразовый шприц, ампулу с прозрачной жидкостью, ватку и небольшую пластмассовую бутылочку с кнопкой на горлышке.

А то я не знал, что это такое! Когда в прошлом году у меня заболел Шура Плоткин воспалением легких, то к нам приходила молоденькая участковая врачиха и сама трижды в день делала Шуру какие-то уколы. И трижды в день я видел шприцы, иглы, ампулы, ватки...

Врачиха была прехорошенькой и лечила Шуру, как для себя. И не ошиблась в своих надеждах. Шура выздоровел и потом недели две день и ночь благодарил эту докторишку так, что мне иногда от их стонов и воплей хотелось с балкона выпрыгнуть. Так они меня достали своими благодарностями друг другу: Шура – докторишке за то, что она его вылечила, а докторишка – Шуру за то, что тот выздоровел...

Поэтому я очень хорошо знаю, что такое шприц и ампула!

И если эти два жулика собираются сделать мне укол и усыпить меня – я им сейчас покажу, что такое действительно НАСТОЯЩИЙ РУССКИЙ КОТ, который всю свою жизнь – от рождения и до смерти – только и делает, что борется за свое существование!

Пусть они только ко мне приблизятся, пусть только попробуют вытащить меня из клетки!!! От них во все стороны клочья полетят!.. Уж если я профессионального убийцу Алика, с его длинным почти бесшумным пистолетом, не испугался, то...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.